

Научная статья

УДК 81'42 + 811.161.1

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-55-75

**«Я, Майя Плисецкая»: языковая личность
в аспекте эмоционально-оценочной деятельности**

Татьяна Александровна Трипольская¹, Хуан Сяюй²

^{1, 2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

² huangxiaoyu0918@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7052-9097>

Аннотация

В рамках теории языковой личности, опирающейся на принципы целостности научного знания, диалогизма и компаративизма, исследуется автор мемуарного текста в аспекте его эмоционально-оценочной деятельности.

Эмотивно-оценочный дискурс, встроенный в текст «Я, Майя Плисецкая», позволяет разностороннее описание говорящего субъекта, формирующего свой лексикон, картину мира и коммуникативные тактики и стратегии под влиянием аксиологического словаря эпохи, сферы деятельности, образования, культурного уровня, характера и языкового вкуса.

Исследование эмотивно-оценочного дискурса дает возможность моделировать целостный портрет говорящего субъекта, анализировать индивидуальные и групповые вариации языка.

В результате исследования выявлены следующие характеристики языковой личности: неизменность ценностной картины мира и лексических способов ее репрезентации в течение всей жизни; интенсивность и категоричность полярной аксиологической семантики; черно-белая оценочная шкала в ценностной системе, практически не допускающая полутонов. Эмотивно-оценочный лексикон репрезентирует основные концептуальные области авторской картины

© Трипольская Т. А., Хуан С., 2026

мира: талант/творчество/театр и независимость/непокорность/свободолюбие человека в несвободном мире. Основной авторский прием в формировании своего словаря — переосмысление и перенаправленность общепринятых газетных негативных оценок «врагов народа» на представителей тоталитарного режима.

В мемуарном тексте представлены образы автора и адресата, а также поиск своего слова и своего способа быть услышанной: автор выбирает особые стратегии и тактики для предъявления своих аксиологических ориентиров (прямых и косвенных оценочных актов, которые призваны подтвердить, смягчить, актуализировать то или иное эмотивно-оценочное содержание).

Ключевые слова

антропоцентрическое направление лингвистики, языковая личность, эмотивно-оценочный дискурс, аксиологическая картина мира, коммуникативные тактики и стратегии выражения оценки и самооценки

Для цитирования

Трипольская Т. А., Хуан С. «Я, Майя Плисецкая»: языковая личность в аспекте эмоционально-оценочной деятельности // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 55–75. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-55-75

“I, Maya Plisetskaya”: linguistic identity in the context of emotional and evaluative activity

Tatiana A. Tripolskaya¹, Huang Xiaoyu²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

² huangxiaoyu0918@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7052-9097>

Abstract

The author of the memoir text is investigated concerning her emotional and evaluative activity within linguistic personality theory based upon the integrity of scientific knowledge, dialogism, and comparativism.

Emotive and evaluative discourse integrated into the text “I, Maya Plisetskaya” allows us to reveal multi-faceted description of a speaking individual forming her lexicon, world view, and communication techniques and strategies being influenced by axiological vocabulary of the epoch, area of her activity, her education, cultural level, character, and her language taste.

Research of emotive and evaluative discourse gives an opportunity to simulate an integral figure of a speaking individual and to analyze individual and group language variations.

The research allowed us to reveal the following characteristics of the linguistic individual: invariability of axiological world view and lexical ways of its representation throughout the whole life; intensity and all-or-nothing axiological semantics; black-and-white evaluative scale within the system of values which scarcely admits half-tones.

Emotive and evaluative lexicon represents the main conceptual domains of the author's world view: talent/creativity/theater and independence / rebelliousness / love of freedom of a person in the world which lacks freedom. The main author's technique in forming her vocabulary is reinterpreting and redirecting negative evaluations of 'enemies of the people' commonly mentioned in newspapers towards the representatives of the totalitarian regime.

The memoir text portrays the author's and the addressee's images and searching of the author's own word and her own way of getting an opportunity of being heard: the author chooses special strategies and tactics for presenting her axiological points (direct and indirect evaluative actions which are supposed to confirm, temper, and foreground certain emotive and evaluative content).

Keywords

anthropocentric branch of linguistics, linguistic identity, emotive and evaluative discourse, axiological world view, communicative techniques and strategies of expressing evaluation and self-evaluation

For citation

Tripolskaya T. A., Huang X. "I, Maya Plisetskaya": linguistic identity in the context of emotional and evaluative activity. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2026, no. 1, pp. 55–75. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-55-75

1. Теория языковой личности в контексте современных исследований

Современные гуманитарные исследования опираются на следующие принципы: целостность научного знания, диалогизм и компаративизм. Целостность знания предполагает всестороннее исследование объекта описания, а это неизбежно ведет к взаимодействию как разных дисциплин внутри лингвистической научной парадигмы (лексикология /морфология/ синтаксис), так и разных гуманитарных и негуманитарных наук (лингвистики, психологии, социологии, культурологии, литературоведения, компьютерных технологий и др.).

Круг интересов современной лингвистики расширился, теперь его составляют явления, скрытые в глубинах семантики, подвижные

и трудноразличимые. Целостное представление о таких сложных явлениях требует их комплексного и разностороннего описания. Ср., например, теорию лексического значения, разработанную (с учетом преемственности) в рамках философии XX века (А. Ф. Лосев, о. Павел Флоренский, С. Н. Булгаков и др.), системно-структурных, коммуникативных и когнитивных лингвистических направлений (Д. Н. Шмелев, М. В. Никитин, В. Г. Гак, Ю. Д. Апресян, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ш. Балли, Л. Ельмслев, Н. Трубецкой, Дж. Лакофф, Дж. Лайонз и др.), а также психолингвистических исследований (А. Р. Лурия, А. А. Залевская, Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова).

Очевидно, что подобное междисциплинарное взаимодействие предполагает организацию продуктивного диалога (принцип диалогизма), когда «услышаны» и учтены результаты, полученные в рамках разных научных школ и направлений. Методологические основы принципа диалогизма, как и сама теория диалога, получили всестороннее развитие и обоснование в произведениях М. М. Бахтина: «Помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей... ему литературой, с которой он находится в постоянном диалоге, понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами» [Ильин, 1996, с. 224]. Это понимание диалога и диалогизма составило целую эпоху в гуманитарном мышлении XX в.

В этом контексте имеет смысл рассматривать и положение, сформулированное Е. С. Кубряковой [1995, с. 144–238] о состоянии современной лингвистики: полипарадигматизм понимается как состояние науки, при котором взаимодействуют разные научные парадигмы (структурно-системная, функциональная, антропоцентрическая, когнитивная), обеспечивая целостный анализ объекта с различных точек зрения, а не через одну доминирующую модель. Это отражает переход к более многогранному изучению языка, учитывающему его функции, связь с человеком и когнитивные процессы.

Третий принцип — компаратизм. Сопоставительный анализ как одна из ведущих исследовательских процедур осуществляется как внутри языковой системы, так и в пространстве межъязыковых исследований. Именно рассмотрение своего языка на фоне другого (других) позволяет выявить те тонкие смысловые моменты, которые являются национально специфическими; их описание становится возможным лишь в сопоставительной

исследовательской парадигме [Дубичинский, Ройтер, 2011; Стернин, 2007; Булыгина, Трипольская, 2023, с. 11–27 и др.].

Теория языковой личности (далее — ТЯЛ) Ю. Н. Караулова вполне соответствует этим ведущим принципам гуманитарных исследований: во-первых, это разностороннее описание говорящего субъекта, во-вторых, ТЯЛ, выполняя интегрирующую функцию, объединяет все основные достижения разных направлений современной лингвистики и обеспечивает продуктивный диалог структурно-системного, когнитивного, коммуникативно-прагматического, социолингвистического, лингвокультурологического направлений. Именно пространство изучения языковой личности (далее — ЯЛ) «стягивает» разные направления в единую исследовательскую область, обеспечивая диалог разных научных направлений.

В настоящее время, как пишет И. В. Ружицкий, благодаря ТЯЛ появилась возможность отойти от «чисто лингвистического», системно-структурного описания языка, от изучения только отношений «язык ↔ система», важно рассматривать отношения «язык ↔ текст» и «язык ↔ способность» [Ружицкий, 2021, с. 25], работать с индивидуальными и групповыми вариациями языка. Иными словами, ТЯЛ способствует преодолению «бесчеловечности» лингвистики XX века (Ю. Н. Караулов), сосредоточившись на актуальных антропоцентрических направлениях изучения языка и говорящего субъекта.

Сегодня можно обсуждать и складывающееся влияние ТЯЛ как методологической основы изучения языковой способности на названные направления: изучение личностных языковых картин мира вносит заметные коррективы в общую теорию когнитивных исследований, анализ лексикона и грамматикона говорящего субъекта дает ценный материал для изучения динамических процессов в языке и практики создания активных (авторских) словарей, стратегии и тактики говорящего существенно обогащают теорию речевых актов, а анализ личностных дискурсов вносит коррективы в построение классификаций дискурсов, которые сегодня зачастую весьма умозрительны и не опираются на результаты описания речевой деятельности представителей языковых культур разных типов.

Таким образом, можно говорить, с одной стороны, о содержательно важных областях, которые послужили «донорами» для становления ТЯЛ, с другой, — о существенном вкладе изучения говорящих субъектов в современные антропоцентрические исследования.

Объектом настоящей работы является языковая личность М. Плисецкой (далее — М. П.) как носитель литературного языка и представитель определенной эпохи и культурной среды (мемуарный текст «Я, Майя Плисецкая»).

Эмотивно-оценочный дискурс (далее — ЭОД) языковой личности — это фрагмент дискурса в целом, направленный на вербализацию эмоционального состояния и отношения, а также оценочного суждения. На основе анализа когнитивных и семантико-прагматических особенностей эмотивно-оценочного дискурса возможно осуществлять разноуровневое моделирование ЯЛ: ЭОД дает возможность изучить особый лексикон, ценностную картину мира, а также высший, мотивационный уровень (стратегии и тактики оценочных высказываний опираются на соответствующие когнитивные сценарии речевых действия [М. Минский и Т. А. Ван Дейк]).

Эмотивно-оценочная лексика как важнейшая составляющая дискурса воплощает речевой творческий потенциал ЯЛ; будучи репрезентацией свойств ЯЛ, она отражает взаимодействие оценочных и эмоциональных механизмов человеческого сознания, психологический тип индивида, его эмоциональное состояние, специфику индивидуальной оценочной шкалы и другие ключевые индикаторы в аксиологической картине мира.

2. Аспекты описания ЯЛ

В настоящей статье мы сосредоточимся на двух аспектах проявления языковой личности в эмоциональной и аксиологической деятельности: на особенностях эмотивно-оценочного словаря (за которым встает эмотивно-оценочная картина мира) и стратегиях и тактиках представления самооценки в мемуарном дискурсе.

Эти коммуникативно значимые области позволяют судить о креативном отношении к языку и выбору подходящих, с точки зрения говорящего, стратегий и тактик коммуникации М. П., о языковом «само моделировании», или создании своего языкового имиджа [Ляпон, 1992, с. 75–89].

2.1. Эмотивно-оценочный лексикон

В эмотивно-оценочном лексиконе ЯЛ ожидаемо доминируют отрицательные и стилистически маркированные единицы, как и у многих говорящих: сюда входит лексика не только разговорно-просторечного (*ничегошеньки, нервотрепка, чертовщина, смирнехонько, урвать, прыток, щербатый, наперекосяк, позарез, тыща, ищи-свищи*) и книжного характера (*муссироваться, незабвенный, ибо, мученический, истязатель, инсинуация, глубокоуважаемый*), но и в значительной степени лексика советской газеты, радио и ТВ как показатель возраста, воспитания, семьи, эпохи, ценностной картины мира — своей и коллективной.

Настоящий материал позволяет судить о взаимодействии языка советской эпохи в целом и его личностных вариантов, которые формируются с годами. Наш случай интересен тем, как говорящий субъект репрезентирует свою ценностную парадигму, переосмысливая эмотивно-оценочный словарь социума 30-х — 50-х годов XX века.

Приложение аксиологического осмысления действительности для ЯЛ — это театральная, балетная жизнь, а также сталинский и постсталинский политические режимы, что обусловлено судьбой семьи и страны М. П. и ее творческой биографией.

Кроме стилистической маркированности, словарь ЯЛ отличается удивительной устойчивостью и неизменностью: не меняются, а лишь подтверждаются выверенные временем аксиологические ориентиры автора мемуарного текста, которые зачастую сохраняют на протяжении десятилетий и способ их языковой репрезентации (лексические единицы). Меняется жизнь (может быть, не так кардинально, с точки зрения М. П.), меняется окружение автора, существенно меняется лексикон 80-х — 90-х годов — в тексте неизменными остаются основные аксиологические единицы, с помощью которых оценивается жизнь Большого театра, неразрывно связанного с политическим режимом страны. Трудно объяснить этот факт однозначно: возможно, дело в авторском языковом консерватизме, а возможно, в неизменности оценки основополагающих для ЯЛ концептуальных областей.

В качестве противоположного примера можно обратиться к весьма подвижному эмотивно-оценочному лексикону многолетних дневников К. И. Чуковского, который живо откликается на смену аксиологического словаря эпохи. Ср.: метафоры XIX века, приобретающие актуальность

в советском контексте (*вельможа, опричники, жандармы, полицейщина, Дубельты и Бенкендорфы*), реалии нового режима в 20-е — 30-е годы (*раппы, гепеушничество, художники-середняки, рапповщина, «чуковщина»*) и *хунвейбины, фашисты, фюреры, шельмовать, улюлюкать, травить, топтать, жучить, вышибить, лопотать, пискнуть, шаманствовать* и др. в 50-е — 60-е годы [Трипольская, 2015].

Конечно, лексикон писателя и литературоведа К. И. Чуковского органично связан с историей и литературой дореволюционной России: он возвращает советским реалиям (подавление свободы, свирепствование советской цензуры, жестокие репрессии и др.) слова-оценки, сложившиеся до 17-го года, усложняя их содержание, но сохраняя аксиологический вектор слова. Учет и жанр дневникового текста, который складывается постепенно в течение почти 60 лет.

В личностном словаре М. П. доминирует оценочная лексика из газет, радио, ТВ, конкурируя с разговорно-просторечной стихией. Напомним о подобном языковом выборе и Г. Вишневской в ее «Воспоминаниях». Кроме как будто нейтральных (по данным словарей), но весьма зловещих единиц в контексте мемуарного произведения (*комсомол, партком, госконцерт, политбюро, Лубянка* и др.), отражающих актуальную политизацию языка, можно выделить очень большой пласт эмоционально-оценочных и рационально-оценочных лексических элементов: *ГУЛАГ, ЧК, НКВД, КГБ, казбист, черный воронок, Кольма, враг народа, палач, палаческий, звериный оскал, змеиная порода, кровавые лапы, звери, пытки, стукач, выболтать; прожсектерство; Как он похож на сталинского наркома по Смертям Ежова; Не одному ему переломала советская система хребет, сломала судьбу, поменяла характер, лишила жизни* и др.

В газетном дискурсе эпохи многие из этих лексем характеризуют, с точки зрения власти, а) положительные реалии (*большевистский вождь, солдат партии, классовая бдительность, революционная и партийная принципиальность, нарком Ежов, НКВД, борьба с врагами народа* и пр.) и б) сугубо отрицательные (*враг народа, вражья порода, член семьи врага народа, шпион, диверсант, палач трудового народа, предатель интересов народа, палач революции* и пр.). С помощью этих газетных штампов утверждается/внедряется ценностная парадигма власти, ср.:

Раскрыта змеиная вражья порода / Глазами Ежова — глазами народа
(Пионерская правда, 1937); *В ответ на преступные действия гнусных агентов международного фашизма из шайки кровавого пса, врага народа*

Троцкого мы удесятерим революционную классовую бдительность
(Известия, 1937).

Связующим звеном в достаточно пестром эмотивно-оценочном словаре М. П. является сквозная метафора *палач*, актуальная для осмысления действительности автором дневника на протяжении многих десятилетий.

Использование этого «газетного языка» М. Плисецкой имеет следующие особенности: автор мемуарного текста возвращает «кроваво-палаческие» метафоры, которыми газеты обозначали врагов народа, самим тиранам и убийцам и интенсифицирует их. Таким образом ЯЛ выражает презрение, возмущение, злую иронию и сарказм. Ср.: *душегуб, фюрер-кровопийца, самозванец, фашист, людоед, полурабский, полуправный, провокатор, репрессировать, донос, доносчик, предатели-осведомители, 10 лет без права переписки, кровожадные лапы Сталина; великий палач Сталин; звериный сталинский процесс; день рождение кровавого тирана; коварная, мстительная, палаческая память Сталина; выжигалось Сталиным каленым кровавым огнем; параноик Сталин, творивший кровавое зло.*

Рядом с этими политическими штампами, переосмысленными, «перезаряженными» новым оценочным содержанием, видим множество авторских слов и словечек, метафор, гипербол, сравнений, энантиосемичных употреблений, которые свидетельствуют о вполне креативном отношении к языку, о стремлении к экспрессивности, выразительности и стремлении к формированию своего речевого имиджа: *сверхпатриот* (любимая модель: *сверхвыворотность, сверхгибкость, сверхраздир, сверхнекоммуникабельность, сверхсекрет*); *бессмертные идеи коммунизма* (со знаком минус), *мини-сталин, сталинчик, диктаторишка, наполеончик, сальеришка* и др.

Эмотивно-оценочный словарь репрезентирует отношение автора к политическим режимам страны: меняются политические фигуры, накал и средства борьбы с инакомыслием, однако главный аксиологический вектор ЯЛ сохраняется — неприятие любого подавления человека в творчестве и в реальной жизни.

Таким образом, эмотивно-оценочный словарь М. Плисецкой отличается устойчивостью лексикона, стилистическим разнообразием, единицами, характерными преимущественно для публичной коммуникации 30-х — 50-х годов, однако переосмысленными, перезаряженными личностным

эмоциональным и аксиологическим содержанием, а также и наличием окказиональных слов и словосочетаний, свидетельствующих о поиске ЯЛ своего слова и своей интонации.

2.2. Тактики и стратегии самооценки

Я не стремилась быть хорошей,
я стремилась быть настоящей.

М. Плисецкая

В эмотивно-оценочном дискурсе ЯЛ весьма существенную роль играет самооценка, включающая осмысление себя в таких ипостасях, как ведущая балерина Большого театра и как человек, стремящийся сохранить свободу и независимость в несвободном мире.

Самый острый вопрос для ЯЛ в организации ЭОД, входящего в мемуарный текст, — представление положительной и сверхположительной самооценки. Именно самопохвала/самовосхваление в разных своих проявлениях организует эмотивно-оценочный дискурс самооценки; речевые акты самоуничижения встречаются в тексте лишь эпизодически.

В этой коммуникативно непростой области в последнее время наблюдаются существенные сдвиги: от неодобрения самопохвалы социумом (по данным языка) и поиска особых стратегий для сообщения хвалебной информации о себе (языковой материал до 2000 года) до сегодняшней неприкрытой похвалы в публичной коммуникации, особенно в интернет-дискурсе.

М. П., безусловно, очень талантливая балерина, она прекрасно знает, что в танце она гений. Как сообщить об этом своему читателю, не представ самонадеянной, самовлюбленной и смешной? Дискурс преимущественно положительной самооценки с точки зрения его коммуникативной приемлемости очень неоднороден: иногда это делается наивно-смешно, иногда автор мемуарного текста ищет и находит вполне адекватную коммуникативную тактику. Дискурс самооценки представлен прямыми и косвенными речевыми актами. Косвенный речевой акт требует и от говорящего, и от адресата дополнительных усилий, предполагающих расшифровку не только содержательной стороны высказывания, но и понимание интенций автора, который прибегает к непрямой коммуникации.

2.2.1. Прямые эмотивно-оценочные речевые акты

Если говорить об основных стратегиях преподнесения оценки и самооценки (зачастую они общие), то стоит отметить многократные высказывания о своей полной искренности, которые сопровождают самопохвалу. В настоящем исследовании анализируются не только оценочные речевые акты, но и тот контекст, в который они погружены.

Читатель прекрасно понимает, что мемуарный текст вполне может содержать массу неточностей, искажений, продиктованных временем и избирательностью памяти пишущего, он содержит «фермент недоверности» (Л. Гинзбург).

Оценка обычно не верифицируется с точки зрения достоверности/недоверности, ее целесообразно рассматривать как субъективное или стремящееся к некоторой объективности, справедливое или несправедливое мнение субъекта речи, которое зачастую характеризует не столько объект оценки, сколько самого хозяина аксиологического высказывания.

Что же оценивает в себе ЯЛ? У ее самооценок два основания: *талант* и *независимость* (в творчестве, в жизни, в передвижениях, в свободе слова и пр.), которые в языковой картине мира М. П. занимают центральное положение, «стягивая» в один смысловой узел главные идеи творчества и жизни в тоталитарной стране. Если талант, с точки зрения ЯЛ, от Бога (судьбы) и природы, а его отсутствие не восполнить никаким каторжным трудом, то за свою независимость нужно бороться всю жизнь.

Рассмотрим разные тактики введения положительной самооценки М. П.

— Утверждение собственной честности и искренности. Перед читателем очень правдивый и искренний автор, который ничего не искажит, в том числе и самооценку. ЯЛ прекрасно знает (о чем и сообщает читателю), что максима скромности обычно приветствуется в нормах коммуникации (см. коммуникативные максимы Грайса):

Но что же писать мне, если успех взаправду был, и был очень большой? «Дама» — пятьдесят минут, «Кармен-сюита» — сорок шесть. Я почти всё время на сцене. Но — выдержала. Победила. И без пошлой скромности хочу написать об этом — «Я говорю правду и не буду лгать в угоду скромности».

Обычно говорящий вынужден лавировать между стремлением быть правдивым и нежеланием прослыть самодовольным хвастуном (максима

скромности) — в мемуарном же тексте М. П. максима скромности, как видим, осознанно приносится в жертву стремлению сказать правду, ту, которую хранит память автора.

— Повышение объективности и адекватности оценки и самооценки. Автор опирается на общую с читателем картину мира — это способ привлечь адресата в союзники, того адресата, который видел и знает то же самое, что и автор мемуарного текста, у них общие воспоминания, что обеспечивает непрерывный диалог автора и читателя: *Это я пишу [так подробно] для западного читателя; Для будущих поколений напишу; Так как у всех нас это на памяти, что сомневаюсь — писать ли?*

Отсюда и вполне обоснованная надежда пишущего на общность эмоционально-оценочного восприятия действительности, а также понимание того, что мемуарная книга рассчитана не на всех, но на читателя, близкого по своим взглядам автору текста.

— Обоснование высокой самооценки фактическим положением дел. Справедливость и обоснованность оценочного содержания (при этом обязательна экспликация оснований оценки!) в реальной коммуникации нередко опирается на набор реальных событий и фактов, подтверждающих адекватность оценочного суждения: это очень хорошо / плохо, потому что... Ср.:

Я станцевала его («Лебединое озеро») более 800 раз, и танцевала тридцать лет: 1947–1977. <...> Я считала и считаю поныне, что «Лебединое» — пробный камень для всякой балерины. В этом балете ни за что не спрячешься, ничего не утаишь.

— Тактика совмещения положительной и как будто отрицательной самооценки (человек сложен, и автор текста прекрасно это понимает!). Ср.:

Конечно, я тому виною, моя индивидуальность. В Голейзовском исполнителю надо до конца раствориться. Исполнитель — слепец, Голейзовский — поводырь. Я этого не смогла, мое непокорное нутро лезло из всех щелей и вступало в конфликт с хореографом.

Признание своей неспособности работать с великим хореографом, конечно, неположительная самооценка, однако основания этой оценки («моя индивидуальность», которая является для М. П. наивысшей ценностью наравне со свободолюбием) полностью нейтрализуют отрицательное

содержание: «моя индивидуальность» значительно ценнее неспособности покориться воле хореографа.

— Тактика одновременной похвалы и адресата, и самой себя. Данная тактика самооценки широко применяется говорящими в реальной коммуникации. Ср. (о Семеновой): **Я никому не подчиняюсь, значит, не верю, если я подчинялась так, как ей, значит авторитет.**

В этой самооценке спаяны два оценочных речевых акта: похвала и выражение уважения великой балерине и педагогу М. Семеновой («высший авторитет») и самопохвала своей многократно заявленной как высшая ценность независимости.

— Снижение категоричности самооценки. У ЯЛ, безусловно, есть представление о максимах эмоционально-оценочной коммуникации: самопохвала обычно нарушает коммуникативное равновесие говорящих и провоцирует адресата на некоторые защитные речевые действия. Адресата раздражает / смешит / вызывает протест неумеренное самовосхваление. Ср.: Произнесу: **я была независима. Усердно старалась быть таковой.**

Адресат знает (общая картина мира автора и читателя), как нелегко сохранять гражданскую и творческую независимость в тоталитарной стране, знает, к чему подобная позиция может привести, поэтому оценка личной независимости М. П. на протяжении всей творческой жизни, заявленная в 90-е годы, требует некоторой коррекции. Именно это и делает автор мемуарного текста: «**Усердно старалась быть таковой**». Напомним строчки А. Вознесенского из «„Юноны“ и „Авось“»: *За попытку спасибо!*

Зачастую представленные коммуникативные тактики переплетаются в одном высказывании, создавая сложный интенциональный рисунок самооценки:

Это сегодня, задним числом, можно слукавить, прилгнуть, наплевсти, на страх перед тоталитарным чудищем сослаться. Но если хотите правды, только правды, то в те годы я о побеге не помышляла. Дура? Дура! Теперь локти кусаю. Опять же, если, по правде, говорить.

Видим совмещение разных тактик: утверждение своей правдивости в противовес тем, кто сегодня хочет «задним числом слукавить, прилгнуть, наплевсти, на страх перед тоталитарным чудищем сослаться», и редкое для автора порицание себя с сегодняшних позиций. Далее в тексте обосновывается невозможность уехать, так как Р. Щедрин был против отъезда.

— Сопоставление и противопоставление себя другим (сравнение в свою пользу):

Рядом с номенклатурными женами я воистину белая ворона. Как ни сяду, ни улыбнусь, ни подвинусь — всё по-людски. Партийные жены злятся, бесятся, ревнуют. У них всё по-коровьи, по-носорожьи.

Весьма точно выстроенное сравнение: читатель тоже едва ли любит партийных, номенклатурных жен, которые жили в параллельном и благополучном мире; фразеологизм *белая ворона* актуализирует только положительные коннотации, нейтрализуя возможные негативные значения.

2.2.2. Косвенные способы выражения самооценки

— Предъявление чужой оценки — самый распространенный и известный в реальной коммуникации путь выражения положительной самооценки, принадлежащей человеку из референтной группы ЯЛ: похвала выражена, но ответственность за нее несет кто-то другой, причем очень авторитетный и уважаемый. Подобных цитат в тексте ЯЛ множество, что ведет к столкновению и взаимодействию своего и чужого слова.

Чужая речь в структуре текста — результат не прямой, содержательно осложненной коммуникации, «в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию (идентификации) знака» [Дементьев, 2018, с. 926].

По словам Н. Д. Арутюновой, «взаимодействие „своего“ и „чужого“ активизируется <...> в спорах о мнениях и нравственных позициях, в ходе самоутверждения личности или социальной группы, в практическом рассуждении и многих других видах текстов — повседневных и художественных» [Человеческий фактор, 1992, с. 64].

М. Плисецкая приводит чужие оценки своего таланта, независимости и порядочности, стремясь к достоверности и «объективности»; спора мнений между своей и чужой позицией, конечно, в тексте нет, это, скорее, виртуальный спор с тем читателем-зрителем, который не поверит автору, скептически отнесется к ее самопохвале; чужая оценка — это самый весомый аргумент в поддержку высокой самооценки языковой личности.

Ср. восторженное признание Коко Шанель: *Вы — великая балерина*; и метафорические и очень дорогие для М. П. комплименты С. Капицы

и А. Вознесенского: *В средние века вас бы сожгли на костре; Вы тронули мое сердце. Это так красиво и трагично; В ее имени слышится плеск аплодисментов... Плисецкая — полюс магии. ...Есть балерины тишины, балерины-снежины, они тают. Эта же какая-то адская искра. Она гибнет — полипланеты спалил! <...> Плисецкая — Цветаева балета* (А. Вознесенский. Портрет Плисецкой).

Подобные оценки не редкость, однако далеко не все цитируются в тексте ЯЛ, хотя нередко звучат с экранов телевизоров, мелькают в газетах и, конечно, известны М. Плисецкой. Ср.:

Гениальная актриса, гениальная балерина, конечно, Плисецкая. Я думаю, что Плисецкая, так же, как и Уланова, они стали символами, не просто великими танцорами, они стали символами культуры российской и мировой¹ (Юрий Темирканов); Плисецкая уникальная личность, одна из самых великих личностей в балете XX века, она обладает высочайшей техникой и удивительной свободой. Повторить Плисецкую или приблизиться к ней, невозможно, она совершенна и неповторима² (Ролан Пети).

Высочайшая оценка из уст великих музыкантов, хореографов, поэтов еще раз подтверждает те восторженные мнения, которые цитируются автором в тексте мемуаров.

Положительная оценка может принадлежать не только известному лицу, но огромному множеству людей (читай: так воспринимают балерину ВСЕ). Это очень важный коммуникативный ход для человека сцены — многократные описания восторженной реакции публики; иная реакция любителей балета в воспоминаниях не встречается. Ср.:

С самого начала, на мой выход — после прыжка, когда я в первой лебединой позе в четвертой позиции застываю, — зал взорвался экстазическими приветственными аплодисментами. Сквозь их водопад проникали слога криков: «...ра-а-во», «ави-и-и-иссимо». Что-то еще на «А» и «О»; После окончаний актов мы выходили за занавес «Мета» бесчисленное количество раз. Мой лебединый «уход» в конце «белого» акта венчался такой овацией, что я потеряла нить музыкального сопровождения. Напрягала

---

¹ Стихия по имени Майя. — Телеканал «Россия-Культура», 2005. URL: <https://smotrim.ru/brand/27883> (дата обращения: 01.03.2026).

² Там же.

слух, замирала, но, кроме канонады аплодисментов и шквала истошных криков, ничего слышно не было. Ни одной ноты из оркестра!

— Сопоставление себя с другими:

И я, начиная с самых благих новаторских устремлений, приходила к финишу к смирению — зачем от добра добра искать? ... И положила руку на сердце скажу — не смогла я дотянуться до Горского. Хорошо еще, что понимаю это. А другие?..

М. П. характеризует себя, сопоставляя с Горским, стремится к его высокому уровню: она сожалеет, что «не дотянулась». Самооценка же «выравнивается» в сопоставлении себя с ДРУГИМИ, которые не поняли гения и не пытались «дотянуться» до него.

Нередко прямые и косвенные оценки смыкаются, выражая похвалу одним и тем же качествам пишущего. Так, стремление автора к свободе многократно оценивается положительно в прямых оценочных высказываниях, эта же оценка нашла отражение и в высказывании о балете «Кармен»:

С кем бы ни заговаривала о своих мечтах — образ Кармен являлся первым; Кармен как гибельное противостояние своевольного человека — рожденного природой свободным; Жизнь Кармен — коррида, глазующая равнодушная публика. Кармен — вызов, восстание. Ослепительная — на сером фоне!..; А что и впрямь человеку надо? Про других не знаю. А про себя скажу. Не хочу быть рабыней. Не хочу, чтобы неведомые мне люди судьбу мою решали. Ошейника не хочу на шее. Клетки, пусть даже платиновой, не хочу.

Характеризуя любимую героиню, М. П. переносит высоко оцениваемые признаки своевольной Кармен на себя, постоянно акцентируя независимость как высшую ценность.

— Косвенная самопохвала в виде совета/призыва: делай, как я! В жанре советов и призывов утверждается собственный стиль жизни и творчества как достойный уважения и подражания. Ср.:

Дам вам совет, будущие поколения. Меня послушайте. Не смиряйтесь, до самого края не смиряйтесь. Не смиряйтесь. Даже тогда — войте, отстреливайтесь, в трубы трубите, в барабаны бейте, в телефоны звоните, телеграммы с почтамтов шлите, не сдавайтесь, до последнего мига боритесь, войте. Даже тоталитарные режимы отступали, случилось, перед одержимостью, убежденностью, настойчивостью. Мои победы только на том и держались. Ни на чем больше!

Текст представляет разнообразные тактики выражения самопохвалы, которые выбирает автор мемуарного текста из множества существующих в разных типах реальной коммуникации. Какие-то можно рассматривать как вполне оправданные и соответствующие замыслу пишущего, какие-то оказываются малопригодными, не добавляющими автору читательских симпатий.

Заключение

Подведем итоги. Мемуарный текст оказывается экспрессивным, выразительным, заряженным авторской энергией и стремлением донести до читателя «свою правду», не всеми разделяемую и принимаемую, а зачастую просто неизвестную молодым читателям. Книга существенно дополняет представления о трагической истории страны и о судьбе главной балерины главного театра, о творчестве и цензуре, о сопротивлении и подчинении.

Исследование эмотивно-оценочного дискурса позволяет моделировать разные уровни в структуре ЯЛ. Так, М. Плисецкая обладает следующими характеристиками: ярко выраженные черты негативиста (в оценках окружающего мира); неизменность ценностной картины мира и лексических способов ее репрезентации в течение всей жизни; оценки характеризуются интенсивностью, категоричностью, полярной аксиологической семантикой; в ценностной системе ЯЛ наличествует черно-белая оценочная шкала, практически не допускающая полутонов.

Эмотивно-оценочный лексикон представляет основные концептуальные области авторской картины мира: талант/творчество/театр и независимость/непокорность/свободолюбие человека в несвободном мире. Основной авторский прием в формировании эмотивно-оценочного лексикона — переосмысление известных отрицательных оценок врагов народа и перенаправление их на представителей политического режима.

Как носитель литературного языка, ЯЛ демонстрирует языковую креативность в создании своего слова (*сверхкоммуникабельность, сверхвыворотность, мини-сталин, полуправный, сальершика*), своих оригинальных сочетаний слов (*милый сталинский маневр; великий палач*), ярких метафор и энантиосемии и их использования для выражения злой иронии и сарказма.

В мемуарном тексте представлены образы автора, адресата (адресатов) и поиск своего слова и своего способа быть услышанной: вызывать у читателя определенные эмоции и ассоциации для достижения своих коммуникативных целей, найти читателя-союзника. Для этих целей автор выбирает особые стратегии и тактики для предъявления своих аксиологических ориентиров: прямых и косвенных оценочных актов, которые призваны подтвердить, смягчить, актуализировать то или иное эмоционально-оценочное содержание. ЯЛ выбирает способы преподнесения коммуникативно неудобной информации о своей высокой самооценке, а, как пишет Т. Г. Винокур, «акт предпочтения одного языкового средства другому — так же, как и степень его осознанности, — это и есть сам говорящий, „образ автора“ данного высказывания» [Винокур, 1989, с. 18].

Список литературы

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Национально-культурный компонент в семантике метафоры (на материале группы «безвольный, бесхарактерный человек») // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 11–27. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-11-27.

Винокур Т. Г. К характеристике говорящего: интенция и реакция // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. 216 с. С. 11–23. URL: https://www.academia.edu/50183882/Язык_и_личность_Сборник_статей (дата обращения: 02.05.2026).

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Russian Journal of Linguistics. Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22 (4). С. 919–944.

Дубичинский В. В., Ройтер Т. Русско-немецкий словарь лексических параллелей: ок. 1750 слов. ст. М.: ELPIS, 2011. 289, [15] с. URL: <https://djvu.online/file/F98qu8IMcPaCC> (дата обращения: 02.05.2026).

Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 253, [2] с. URL: <https://djvu.online/file/K2PPjaVDnzZrP> (дата обращения: 02.05.2026).

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. С. 144–238.

Ляпон М. В. «Грамматика» самооценки // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Виноградовские чтения XIX–XX. М.: Наука, 1992. С. 75–89.

Ружицкий И. В. О некоторых истоках возникновения концепции языковой личности Ю. Н. Караулова // Языковая личность в зеркале интерпретационных исследований: К 85-летию со дня рождения Ю. Н. Караулова. Новосибирск, 2021. С. 19–28.

Стернин И. А. Контрастивные исследования и контрастивные словари. Воронеж: ВГУ, 2007. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubStern.html> (дата обращения: 02.05.2026).

Трипольская Т. А. Языковая личность К. И. Чуковского: моделирование эмоционально-оценочной картины мира // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 205–217.

Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т. В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280, [1] с.

References

Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T. A. Nacional'no-kul'turnyj komponent v semantike metafory (na materiale gruppy «bezvol'nyj, beskharakternyj chelovek») [The national-cultural component in the semantics of metaphor (based on the group “weak-willed, spineless person”)]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2023, no. 1, pp. 11–27. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-11-27. (in Russ.)

Chelovecheskij faktor vazyke: Kommunikaciya, modal'nost', dejksis [The human factor in language. Communication, modality, deixis]. Ed. by T. V. Bulygina. Moscow, Nauka, 1992. 280, [1] p. (in Russ.)

Demytyev V. V. Nepryamaya kommunikaciya v russkoj nacional'no-rechevoj kul'ture. [Indirect communication in the Russian national speech culture]. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*, 2018, vol. 22 (4), pp. 919–944. (in Russ.)

Dubichynskiy V. V., Reuther T. Russko-nemeckij slovar' leksicheskikh paralelej : ok. 1750 slov. st. [Russian-German dictionary of lexical parallels: about 1750 dict. entries]. Moscow, ELPIS, 2011. 289, [15] p. URL: <https://djuv.online/file/F98qu8IMcPaCC> (accessed 02.05.2026). (in Russ.)

Il'in I. P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm [Post-structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, Intrada, 1996. 253,

[2] p. URL: <https://djvu.online/file/K2PPjaVDnzZrP> (accessed 02.05.2026). (in Russ.)

Kubryakova E. S. Evolyuciya lingvisticheskij idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmal'nogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (an attempt at paradigmatic analysis)]. In: *Yazyk i nauka konca 20 veka* [Language and science of the late 20th century]. Ed. by Yu. S. Stepanov. Moscow, Izd. centr RGGU, 1995. 420 p. (in Russ.)

Lyapon M. V. «Grammatika» samoocenki [The “grammar” of self-esteem]. In: *Russkij yazyk. Problemy grammaticheskoy semantiki i ocenochnye faktory v yazyke. Vinogradovskie chteniya XIX–XX* [The Russian language. Problems of grammatical semantics and evaluative factors in language. Vinogradov readings XIX–XX]. Moscow, Nauka, 1992. Pp. 75–89. (in Russ.)

Ruzhitskiy I. V. O nekotoryh istokah vzniknoveniya koncepcii yazykovoj lichnosti Yu. N. Karaulova [Some origins of the linguistic identity concept by Yuri N. Karaulov]. In: *Yazykovaya lichnost' v zerkale interpretacionnyh issledovanij: K 85-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. N. Karaulova* [Linguistic identity in interpretive research: To the 85th anniversary of Yu. N. Karaulov]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2021. Pp. 19–28. (in Russ.)

Sternin I. A. Kontrastivnye issledovaniya i kontrastivnye slovari [Contrastive studies and contrastive dictionaries]. Voronezh, VGU Publ., 2007. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubStern.html> (дата обращения: 02.05.2026). (in Russ.)

Tripol'skaya T. A. Yazykovaya lichnost' K. I. Chukovskogo: modelirovanie emocional'no-ocenochnoj kartiny mira [Language personality of Korney Chukovsky: the emotive-evaluative worldview modelling]. *Voprosy psikholingvistiki* [Issues of Psycholinguistics], 2015, no 25, pp. 205–217. (in Russ.)

Vinokur T. G. K kharakteristike govoryashhego: intenciya i reakciya [Towards characterizing the speaker: intention and reaction]. In: *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Ed. by D. N. Shmelev. Moscow, Nauka, 1989. 216 p. Pp. 11–23. URL: https://www.academia.edu/50183882/Язык_и_личность_Сборник_статей (accessed 02.05.2026). (in Russ.)

Информация об авторах

Татьяна Александровна Трипольская, доктор филологических наук, профессор
Хуан Сяюй, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Tatiana A. Tripolskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Huang Xiaoyu, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 05.05.2026
The article was submitted on 12.01.2026;
approved after reviewing on 05.02.2026; accepted for publication on 05.05.2026